

Оглавление

Часть первая ВЫСЕЛКИ

<i>Глава первая. НЕЛЮБИМЫЕ СЛОВА.</i>	11
<i>Глава вторая. ПРЕМИАЛЬНЫЙ НАБОР.</i>	19
<i>Глава третья. УЙТИ НЕМЕДЛЕННО</i>	37
<i>Глава четвёртая. ПРОСТОЕ НЕ ГОДИТСЯ.</i>	44
<i>Глава пятая. ЭПИГРАФЫ</i>	56
<i>Глава шестая. ЗЕЛЁНЫЕ ГЛАЗА</i>	68
<i>Глава седьмая. ПРОКЛЯТИЕ ЯГНЯТ</i>	75
<i>Глава восьмая. ТОЛЬКО НЕ ПЬЕСА!</i>	89
<i>Глава девятая. НОВАЯ ИСКРЕННОСТЬ.</i>	98
<i>Глава десятая. ТРИ МОСКВЫ.</i>	106
<i>Глава одиннадцатая. КУРИТЕЛЬНЫЙ СУП</i>	115
<i>Глава двенадцатая. ТЮ ЛЯ ВУЛЮ.</i>	125

Часть вторая ИМБРОЛИО

<i>Глава тринадцатая. ЭКУ-ПАРК</i>	135
<i>Глава четырнадцатая. О ЧЁМ ПЬЕСА</i>	145
<i>Глава пятнадцатая. НОЧНОЙ СЕВЕРНЫЙ.</i>	156

<i>Глава шестнадцатая. МАНЬЯНА ПОР ЛА МАНЬЯНА</i>	<i>167</i>
<i>Глава семнадцатая. ВАШ ЛЮБИМЫЙ САМУРАЙ.</i>	<i>179</i>
<i>Глава восемнадцатая. ГЛУБИНЫ ТВОРЧЕСТВА</i>	<i>188</i>
<i>Глава девятнадцатая. ПОПОЛНЕНИЕ КОЛЛЕКЦИИ</i>	<i>200</i>
<i>Глава двадцатая. АНАБАСИС.</i>	<i>204</i>
<i>Глава двадцать первая. ДВЕ СЕСТРЫ</i>	<i>212</i>
<i>Глава двадцать вторая. ИСПАНСКОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ . . .</i>	<i>233</i>
<i>Глава двадцать третья. ТРИ СЕСТРЫ</i>	<i>241</i>
<i>Глава двадцать четвёртая. ЭТО ЕЩЁ НЕ КОНЕЦ</i>	<i>252</i>

Часть третья **ВСЕМИРНЫЙ ПОТОМ**

<i>Глава двадцать пятая. МУЗЫКА ДЛЯ МРТ.</i>	<i>269</i>
<i>Глава двадцать шестая. ПИСТИС</i>	<i>283</i>
<i>Глава двадцать седьмая. ДОБРЫЙ ЛЕНЬ!</i>	<i>294</i>
<i>Глава двадцать восьмая. НОВЫЕ ПОСТУПЛЕНИЯ</i>	<i>302</i>
<i>Глава двадцать девятая. НИКТО НЕ ЛЮБИТ</i> <i>МИЗАНАБИМ</i>	<i>308</i>
<i>Глава тридцатая. В ФИНАЛЕ Я ИСПЫТАЛ ГЛУБОКОЕ</i> <i>РАЗОЧАРОВАНИЕ</i>	<i>314</i>

*Есть три правила сочинительства,
и никто не знает какие.*

СОМЕРСЕТ МОЭМ

Часть первая
ВЫСЕЛКИ

*С тех пор как не приняли его пьесу,
он терпеть не мог актёров.*

ГЮСТАВ ФЛОБЕР

Глава первая

НЕЛЮБИМЫЕ СЛОВА

Аркадий Иванович Нуров — автор нашумевшего романа «Фениксы так и не появились» и множества других романов — не любил слова «писатель». Ему оно казалось нескромным. Не любил он также слов «сочинитель», «литератор», «прозаик» — не сами слова, разумеется, а применительно к собственной персоне.

Когда случайные встречные из малочитающих спрашивали, чем Нуров занимается, он чаще всего врал, а если враньё по какой-то причине исключалось, буркал себе под нос: «Пишу книжки». И это была плохая подача, потому что случайные встречные обязательно начинали с улыбкой уточнять, о чём его книжки и где их можно найти. «В любом книжном магазине», — изнывал Нуров, проигрывавший в мыслях совершенно иные ответы, недостойные писателя (как бы он себя при этом ни называл).

Руса, литературный агент Аркадия и его бывшая жена, вынуждена была относиться к вышеописанной странности своего клиента — и отца их единственного сына Дениса — с пониманием, так же как

и ко всем другим его странностям и ОКР, в числе которых были следующие (цитируем по списку, хранящемуся у Руси в голове):

— он терпеть не мог, когда за ним по улице (в подъезде, коридоре и пр.) кто-то шёл, — Нуров обязательно останавливался и уступал дорогу, что в итоге сильно замедляло скорость его передвижения по улице (в подъезде, коридоре и пр.);

— он был одержим чистотой обуви и каждый вечер лично омывал свои собственные штиблеты, а также туфельки (сапоги, кроссовки, да хоть бы даже лоферы) нынешней жены Софьи, о которой ещё будет рассказано столько, что мало не покажется; встречаясь с новыми людьми, он смотрел им сначала в глаза, а потом сразу же уводил взгляд к обуви — ботинки это зеркало души, мог бы воскликнуть Нуров, обладая он чуть менее изысканным вкусом;

— он всегда говорил «никогда»;

— он ненавидел современную привычку переписываться и по-прежнему звонил знакомым, не предупреждая, что собирается это сделать;

— у него не было ни одного аккаунта в социальных сетях;

— он был успешным, премированным, «высокотиражным», читаемым и почитаемым, переведённым на двенадцать иностранных языков (включая два мёртвых, как шутила Руся), но оставался при этом настолько неуверенным в себе и своём даре, что и не снилось молодому начинающему автору;

— он смертельно надоел самому себе ещё в прошлом веке и не решался на самоубийство только потому, что считал это пошлым.

В списке значилось ещё с десятков пунктов, но оставим его у Руси в голове — там ему самое место.

Нуров и его жена Софья жили в большой красивой квартире в меру старого московского дома — из тех, что как бы отступают от шумных магистралей в просторный тенистый двор. Вышел из подъезда — и прибыл куда надо пешком. Застыл на месте — и услышал птичьи трели, хотя в сотне метров завывает магистраль. Руся и Денис, который, впрочем, всё реже и реже ночевал дома, предпочитая проводить самое таинственное время суток с неизвестной пока что родителям девушкой, жили в соседнем квартале, в такой же большой и красивой квартире — Нуров хорошо продавался, а Руся хорошо зарабатывала на том, что он хорошо продаётся.

Разводились они лет семь назад довольно бурно, но спустя время успокоились и поумнели — чуть ли не одновременно. Поняли, что терять прекрасную дружбу (и контракты, и рабочие отношения, и деньги!) попросту глупо. Любая страсть так или иначе прогорает, а найти толкового агента — или писателя, который действительно продаётся, — задача посложнее, чем найти хорошего супруга. Руся удачно располнела («посвежела», как говорили в годы их общей юности), носила только чёрное и бряцала серебряными браслетами, как воин тяжёлыми доспехами. Аркадий не спрашивал у бывшей жены напрямую, но почти не сомневался в том, что у неё «кто-то есть» — и что этот «кто-то» периодически обновляется, как гардероб по весне. Он определял смену караула благодаря тем словам, которые начинала активно использовать Руся, — именно речевые особенности она за-

имствовала у любовников в первую очередь, и Нуров, если подхваченные слова и выражения были яркими, непременно брал их на карандаш: пусть он писал по большей части исторические романы, но не терял надежды сочинить однажды что-то современное. Возможно, под псевдонимом — чтобы не распугать поклонников и фанатов, которые, как все знают, не терпят перемен.

В последнее время, судя по лексикону, Руся явно встречалась с кем-то значительно младше. Она буквально пригоршнями рассыпала вокруг нехарактерные для людей своего года рождения советы «забить» и «не париться», а когда Аркадий ушёл однажды после антракта с премьеры в Климактерическом театре, прислала ему сообщение, состоявшее из одного слова:

«Высадился?»

«Куда?» — не понял Нуров, и тем же вечером Руся терпеливо объяснила ему по телефону, что это значит «расстроиться», «испытать противоречивые чувства», «опечалиться».

— Согласись, если бы я спросила: «Опечалился?», это было бы странно? — хихикнула она, но Аркадий ответил: отнюдь.

Сама Руся досидела в тот вечер до финала, «подняла» мёртвый зал на ноги (когда такая дама вдруг вскакивает с места в первом ряду, все невольно следуют примеру) и вручила режиссёру букет из санкционных колбас (все знали, что цветов Людвига терпеть не может — предпочитает, когда дарят деньги или то, что можно съесть).

— Не надо обижать старых друзей, — нравоучительно прогудела Руся, прежде чем отключиться.

Софья уже год как не служила в Климактерическом театре. Сначала она поссорилась с Людвигой, дико ревновавшей к Софьиным успехам в кино (на взгляд Нурова — несколько преувеличенным, так как Софью снимали только в эпизодах, да и те чаще всего вырезали при монтаже), а потом случайно попала на какую-то читку к «Молодым да ранним» и так там и осталась.

«Молодые да ранние» (МДР) были вторым независимым театром Москвы, где, по мнению Нуровых, теплилась жизнь. Особенно в семействе стали хвалить МДР после того, как Софью ввели здесь сразу на несколько главных ролей. Главреж МДР Евгений Жилев (Ёж) в новом сезоне обещал поставить под неё «Идиотку» — и хотя Нуров не любил эту пьесу модного драматурга Краснова (да он и все его пьесы терпеть не мог!), спорить с тем, что карьера Софьи набирала в МДР восхитительные виражи, было попросту невозможно.

Руся между тем сохраняла верность Людвиге и Климактерическому театру — как будто не сама однажды присвоила ему это гадкое прозвище! Интересно, подумал вдруг Аркадий, а знает ли Людвиг, что именно её обожаемая подруга первой из всех заметила, что среди главных поклонниц ТСТ (Того Самого Театра) преобладают женщины в расцвете менопаузы?.. Самоироничный хохоток Руси («Я и сама уже почти там!») никого не обманул бы — характеристика была безжалостно точной. Зал ТСТ заполняли те, кому пришло время прощаться со своей женской сущностью, — а редкие вкрапления мужчин в эту массу лишь подчеркивали её однородность. Например,

супруг Светланы Тюлькиной — журналистки, штатной воспевательницы Климактерического театра и единственного человека в мире, который не выглядел умнее в очках, — во всех ракурсах напоминал пожилую полную даму. Возможно, именно в силу этого наличие супруга никак не влияло на привычку 53-летней Тюлькиной приставать ко всем артистам ТСТ по очереди, не брезгуя, кстати, и работниками сцены: об этом Аркадию рассказывала Софья.

— В таком-то возрасте, представляешь? — поражалась Софья, тогда как Нуров с возмущением (лишь чуточку преувеличенным) спрашивал, помнит ли она, сколько лет её мужу? И ждал с остановившимся сердцем Софьиной улыбки: «Ну так это ж другое дело, милый!»

Все рецензии на премьеры Людвиги Тюлькина обязательно снабжала страстным причитанием: «Как, ну как она это делает?» Иногда этим восторженным недоумением текст начинался, иногда заканчивался — разнообразие присутствовало лишь здесь. Нуров, если бы Тюлькина адресовала свой вопрос не читательской массе, а ему лично, сказал бы, что не видит здесь никакой тайны — изобретенный в счастливой юности рецепт позволял Людвиге ставить от сезона к сезону один и тот же спектакль с не слишком-то разнообразными вариациями. Немного политики, немного эротики, смещенные акценты, краденая музыка, поразительно точный выбор исполнителей, очень дорогой свет и очень дешёвые декорации. Сама пьеса не так важна — важна всегда только Людвиг. С пьесами Людвиг обращалась сноровисто, как опытный мясник с коровьими тушами, — и её

удары топором почти всегда были точными. Иногда она составляла даже нечто вроде мясных наборов из разных видов убоины — публика такие попури очень любила. Людвига была и вправду очень талантлива, ну а то, что с годами стала маниакально повторять саму себя, — такое не редкость.

— Это и называется манерой! — горячилась Руся, защищая любимую подругу от нападок Аркадия. — Как будто сам так не делаешь!

Да, ждать от ТСТ (как и от Нурова) новизны было как минимум наивно — менялись разве что зрители. Годы брали своё, кто-то растворялся в садовых заботах, кто-то уезжал нянчить внуков в Испанию, кто-то, извините, просто умер. Молодая публика Людвигиных спектаклей не жаловала, ей требовалось что-то более изысканное, свежее. Приезжие жаловались на то, что в спектаклях много «грубостей и матов», такое и в провинции есть, ну и потом, не всем туристам было удобно добираться до нового помещения театра, торжественно переданного Людвиге пару лет назад. Ей тогда предложили на выбор крохотный запущенный особнячок вблизи бульваров — или малый зал бывшего ДК на севере столицы, и Людвига выбрала ДК, соседствующий с халяльным рестораном и торговым центром средней посещаемости. На особнячок тут же сделал стойку Ёж, но ни этой стойки, ни его самого никто не заметил — в здании въехали бутик интимных товаров и кондитерская.

— Рановато им, — усмехнулась Руся, узнав про попытку Ежа и МДР проникнуть в особнячок. — Это ж Москва! Пусть поработают годочков двадцать, как Людвигу, тогда можно будет и поближе к бульварам.

Говоря эти довольно обидные вещи, Руся выглядела так, будто сама лично распоряжалась описанным сегментом московской недвижимости, и Аркадий на какой-то короткий момент заподозрил первую жену в том, что она так и не сумела победить в себе неприязни ко второй — хотя усердно пыталась всех вокруг в этом разубедить. Но Руся тут же исправилась:

— Сонька, конечно, у них абсолютная звезда! Людвига все локти себе сгрызла. До основания...

Именно Софья играла в провальной постановке «Анабасиса» — единственной пьесы Нурова, добравшейся до сцены и спустя месяц после премьеры позорно снятой с репертуара. Собственно, Аркадий как раз и познакомился с Софьей во время работы над тем злосчастным спектаклем.

Слова «спектакль», «пьеса», «репертуар» он с тех самых пор тоже не любил.

Глава вторая

ПРЕМИАЛЬНЫЙ НАБОР

— Ты готова? Я готов! — прокричал в глубь квартиры Аркадий. Софья ему не ответила, в гардеробной гремела музыка.

Нуров — уже в пальто и в безупречно вычищенных ботинках — сел на диванчик в прихожей и принялся разглядывать себя в зеркале, висевшем ровно напротив. Не облысел, не растолстел, седин и морщин ровно столько, сколько нужно к этому возрасту... Вот только подбородок стал каким-то мягким — или кажется?

Аркадий прищурился, слегка выдвинул вперёд челюсть. Руся (до развода, конечно) звала его «красавчиком», Софья утверждала, что у него «надменный профиль». Другие женщины в своё время отмечали выразительную форму рук, одна, помнится, настойчиво восхищалась зубами. Аркадий усмехнулся, мстительно вспомнив гнилую улыбку прозаика Чурбака. С зубами правда повезло.

Да ему и вообще — повезло.

Вот, например, эта премия, которую торжественно вручат сегодня в Главном здании — вся Москва

знает, кому она достанется. Интрига лишь в том, какое у Нурова будет место — первое (5 млн), второе (3 млн) или третье (2 млн). Конечно, получить второе будет обидно, а третье — попросту оскорбительно, но это вряд ли случится. Серьёзных конкурентов у Аркадия нет — есть коллеги по цеху, двое из которых — Чурбак и Лисицын — представлены в нынешнем шорт-листе двумя крепкими книжками. Скорее всего, они втроём и поделят между собой премиальный фонд.

В прошлом году Аркадий взял второе место за роман «Глаза Эхнатона», в позапрошлом взлетел на пьедестал с «Плаванием “Батавии”». Кое-кто из журналистов и «критиков» (настоящей литературной критики давно уж нет, поэтому Аркадий брал это слово в кавычки и на письме, и в мыслях) ворчал по поводу однообразия премиальных решений жюри — и даже задавался вопросом: а что, у нас нет других писателей?.. Но, положив руку на сердце или куда там её сейчас кладут, следовало ответить — их действительно не было. Десять-двенадцать, максимум двадцать человек из стабильно выпускающих книги покрывали собой всё пишущее поле современной России. Именно они не покладая рук принимали премии, выступали на книжных фестивалях, раздавали интервью — и как бы ни пытался дерзкий молодняк взорвать это единообразие, пока что у них ничего не получалось. Слабоват был молодняк! Выпускники (в массе своей, конечно, выпускницы) популярных литературных курсов, которые Москва считала десятками, производили в основном унылую и однообразную жвачку; стилем считалось отсутствие стиля; рассказывать

истории и вовсе никто не умел. Порой, впрочем, отдельные семинаристские прорывались с мылом на губе в какой-нибудь длинный список, но из короткого их уже, как правило, выносило. Там плотно, как вкопанные, стояли Нуров, Чурбак, Лисицын, Антагоньева, Веселидзе, Великий Компилятор — и время от времени появлялись имена менее активных, но тоже признанных Александрова, Дницкой, Лунышкина, Елены Юрьевой и так далее. Сами знаете.

В последнее время конкурентов ещё поубавилось — по вполне понятным причинам. Кто-то уехал, кто-то не считал правильным сейчас писать о чём-то по определению неважном (сюда же широкой метлой сметались исторические романы), кто-то умолк, не озвучив причины. Нуров, искренне любивший родную страну задолго до того, как это стало мейнстримом, не понимал, почему он должен её покидать — и чем это кому-то поможет. Он удивлялся лицемерию тех своих коллег, которые вполголоса ругали власть и при этом принимали от нее даже не подачки, а усиленное питание в виде заграничных поездок, дач и гонораров, но и в меньшей степени удивлялся другим, с нетерпением ожидавшим краха своей бывшей (а вот здесь кавычки точно не нужны) родины. Аркадий точно знал про себя, что он никакой не герой и не мученик (да он даже не мог назвать себя настоящим писателем!), и кривился по этому поводу всегда вполне искренне. Хотя сомнений по поводу сегодняшней премии у него не было — в труде своём добротном он был уверен на все... почему нужно обязательно говорить «на все сто»?